

Марина БУРЦЕВА

Фото Кристины БЕЛЯКОВОЙ /
РИА «Верхневолжье»

Открытие нового сезона в Тверском театре драмы было ознаменовано нашумевшей премьерой «Ромео и Джульетта» по пьесе Шекспира. Премьеры в театре происходят регулярно, но эта – особенная: эта работа режиссера Валерия Персикова, кажется, обозначила новый этап в жизни театра.

Он не наступил бы без появления в театральной среде профессионалов – министра культуры Ксении Глинки и худрука театра драмы Дмитрия Петруня, но дело не только в этом. Ожидание чего-то нового носилось в самом воздухе не один год, назревало и стало ощутимым именно сейчас. Одно к одному – в этом сезоне сразу семь молодых артистов поступили в театр драмы и сразу включились в работу. Один из них, Андрей Смирнов, сыграл в премьерном спектакле Ромео.

– Андрей, поздравляю! Здесь все удивительно и прекрасно – и сама ваша работа, и тот факт, что роль (и какая!) досталась молодому артисту, только что поступившему в театр. Это большая удача.

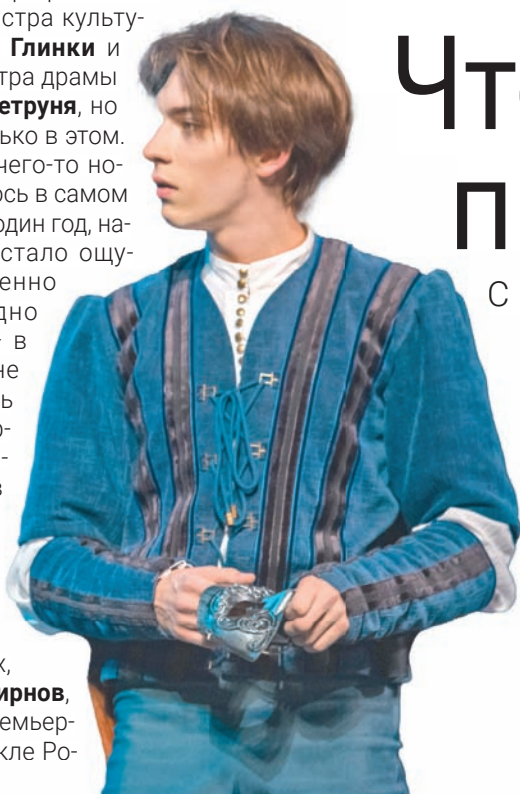
– Да, звезды сошлись. Да, удача. И большая ответственность, которая стоит передо мной. Надо постоянно доказывать, почему именно я. Всегда помню об этом.

– Это была ваша первая работа в театре драмы?

– Нет, еще раньше я играл в спектакле «Вечно живые» по пьесе Виктора Розова. Уже тогда был ошеломлен – когда мне сказали об этом приглашении, я был в тихом ужасе. Тогда же узнал об условиях дальнейшей работы: я остаюсь в труппе, если, окончив колледж культуры, буду учиться в театральном вузе. И здесь звезды сошлись. Я поступил в ГИТИС на заочный курс к Александру Владимировичу Яцко. В ноябре первая сессия.

– Опасаюсь спрашивать про конкурс, который пришлось выдерживать.

– Да, всем известно, что в театральных он огромный. На курс в этом году выделялось всего два бюджетных места – два по целевой квоте и одно социальное. По квоте поступала всего одна девочка, и она с первого тура слетела. Потом образовалось еще три бюджетных мест. В сумме четырех экзаменов – русский язык, литература, коллоквиум и актерское мастерство – я набрал больше всех баллов и вышел на первое место. Когда узнал об этом, чуть с ума не сошел.



Честно говоря, я сомневался в успехе, но все близкие, педагоги, коллеги в театре почему-то были уверены во мне. Поступление – всегда русская рулетка. Не важно, что ты читаешь, мастера смотрят на абитуриентов и уже знают, что будут ставить с ними на четвертом курсе.

БОРЬБА, БОКС, КАРАТЭ, ТЕАТР

– Было что-то в вашей жизни, что увлекало так, что могло перевесить театр?

– Как только я познакомился с театром, перевесить его ничто не могло и ничто не могло переубедить в жизненной необходимости театра. Я жил в Клину, с детства увлекался творчеством – пел, танцевал, лепил, семь лет учился в художественной школе. Был в моей жизни и спорт – греко-римская борьба, бокс, каратэ, установился на большом теннисе, которым занимаюсь до сих пор. Мама ставила мне условия: пойдешь в художественную школу, если будешь заниматься спортом.



Что, кроме смерти, поможет понять?

С премьеры по пьесе Шекспира начался новый этап в жизни тверского театра

– Какая хорошая мама. Кем она работает?

– Медсестрой в психбольнице. В моей жизни две главные женщины – моя мама и моя бабуля – я так ее всегда и называл. Они всегда были примером для меня, не препятствовали в выборе своего пути, с их стороны – только поддержка и принятие. Еще есть семнадцатилетний брат, он учится в Конаково, и сестра пяти лет. А театр в моей жизни появился так: шел как-то по городу со своей подружкой и увидел объявление о наборе в труппу народного театра «Летучая мышь». Режиссер проводил тренировки, а потом из претендентов отбирал будущих актеров. Я учился тогда в восьмом классе. Нас пригласили на новогодние елки, первой моей ролью стал Старик Хоттабыч. Театр – это что-то удивительное, волшебное...

А потом был «Евгений Онегин». Я репетировал, но, к сожалению, или к счастью, – все, что происходит в жизни, считаю, должно быть: я фаталист – за три дня до премьеры сломал ногу. Слезы. Я заканчивал одиннадцатый класс – после девятого остался в школе, мои амбиции говорили мне, что смогу поступить в высшее театральное учебное заведение. Пробовал поступать в ГИТИС, к Райкину в Высшую школу сценических искусств, в Щуку, Щепку, ВГИК. И везде слетал с первого тура. Поехал в Тверь, в колледж культуры на актерский курс Сергея Коноплева, царствие ему небесное. Узнал, что

есть еще и театральное отделение, и там вступительные экзамены начинаются раньше. Все было так же, как и в московских вузах, – программа, танец, песня, но на этот раз я поступил. Я сделал судьбоносный выбор – не пошел на актерское, остался на театральном.

– Такая уж существенная разница между актерским и театральным отделениями?

– У выпускника театрального отделения выбор более широкий, в дипломе написано: руководитель любительского коллектива, преподаватель, и основное направление у нас – режиссура. В какой-то момент я понял, что надо решать, куда идти. Из трех вариантов – режиссер, педагог, актер – выбрал последний.

– У вас еще мастер замечательный, Наталья Рыбакова.

– У нас нет такого понятия, как у актеров, – мастер. Но она стала для меня мастером с большой буквы. Она столько сделала для курса, для меня лично! Не каждый руководитель курса может собрать людей для большого дела и профессионально с этим справиться. Наталья Львовна поставила курсовой спектакль «Мера за меру. Опыты» по пьесе Шекспира. Благодаря ему я и оказался в театре драмы: на премьеру к нам пришли артисты Ирина Васильевна Андрианова, Александр Анатольевич Павлишин, Тарас Николаевич Кузьмин. И я получил приглашение принять участие в спектакле «Вечно жи-

вые». Роль Владимира стала для меня первой на профессиональной сцене. Тема войны для меня всегда больная, на курсах, экзаменах, просмотрах всегда ее избегаю: не могу не то что читать и играть, но даже смотреть про войну без кома в горле и слез в глазах.

ПУСТЬ ОН НИКОГДА НЕ УМРЕТ

– Как приняли в театре вас и других молодых актеров, вошедших этим летом в труппу?

– На удивление хорошо, ощущение, что мы здесь были всегда. Никаких трудностей, сразу нашли общий язык. И зависти не было, и оценок, кому какую роль дали, кто какую нишу занимает. Наоборот, желание помочь, поддерживать. Мы прислушиваемся к советам: понимаем, что спектакль – общее дело. Но я пришел раньше – меня пригласили еще в прошлом сезоне. Кроме спектакля «Вечно живые» играю в «Филумено Мартурано» и «Стойком оловянном солдате». А когда сказали про Ромео, это было в конце мая, еще до госэкзаменов в колледже, не поверил. Позвонил главному режиссеру, сказал, что надо приехать в театр: Валерий Александрович Персиков хочет посмотреть на меня. Я примчался, он посмотрел и сказал: «Да, это он. Это оно!». Не верил, пока не настала первая читка.

– Что показалось вам самым трудным в этом спектакле?

– Самое трудное – сделать текст своим. Он не сразу ложился, но сейчас соединение прозы и поэзии, эти переходы, казавшиеся недостижимыми, воспринимаются по-другому, все актеры знают не только свой текст, но и других персонажей.

Я раньше думал, что любовь может возникнуть по щелчку пальцев, с первого взгляда. Но нет, может появиться интерес, увлеченность, влюбленность, а любовь рождается, когда происходит проникновение в душу. Ромео и Джульетта понимают, что пришла настоящая любовь, и признаются в этом, только когда видят друг друга мертвыми. То, что раньше было только влюбленностью, выросло в любовь. Она пришла со смертью.

– В песне «Джульетта» на стихи Ильи Кормильцева есть такие слова: «Пусть она никогда не полюбит его, пусть он никогда не умрет». И Роман Виктюк, его спектакль «Ромео и Джульетта» смотрели студенты вашего колледжа, цитирует драматурга: «Великий Шекспир сказал, что любовь – это смерть».

– Да, такой парадокс. Ромео умирает, потому что не может жить без Джульетты. Он знает, что будет рядом с ней, но не в этом мире. И она так же думает. Мне нравится другая цитата – в фильме «Загадочная история Бенджамина Баттона» подруга главного героя говорит: «Что, кроме смерти, поможет тебе понять, насколько человек был тебе дорог».